

выбор Игоря Гулина

«Утц» и другие истории из мира искусств

Брюс Чатвин
(Ad Marginem, ЦСК «Гараж»)

Умерший четверть века назад англичанин Брюс Чатвин — фигура очень разносторонняя: писатель, журналист и путешественник, археолог и антрополог, аукционный эксперт и теоретик коллекционирования. Эта книга — собрание его текстов, так или иначе связанных темами искусства и отчасти Восточной Европы. Здесь есть рассказы о поездках и встречах в СССР (среди героев — Надежда Яковлевна Мандельштам, Константин Мельников, знаменитый коллекционер Георгий Костаки), размышления о русском авангарде, истории из аукционной практики Чатвина и множество других вещей. Правда, его статьи и репортажи — тексты очень журналистские, любопытные наблюдения в них теряются среди множества неряшливостей и красивых фраз, вещей случайных или очевидных. В первую же очередь книгу стоит читать ради заглавного небольшого романа 1988 года — элегической биографии заядлого коллекционера майсенского фарфора. Ее герой, житель Праги по имени Каспар Утц, чудом сохраняет свои безделушки во всех катаклизмах, постигших Чехию в XX веке, но это выглядит проявлением не бережливости, а любви. «Утц» — история тихой страсти, взвешенного помешательства. Это повествование то ли в набоковском, то ли в зингеровском духе из-за своей эксцентричности избегает пошлости, свойственной мотиву «любви во времена катастроф». То, что не вполне получается у Чатвина в эссе, отлично удается ему в прозе.

Великий запой

Рене Домаль
(Издательство Ивана Лимбаха)

Французский поэт, прозаик и мыслитель, последователь Георгия Гурджиева и переводчик разного рода восточной философии, Рене Домаль считается одним из младших сюрреалистов. Правда его вещи гораздо ближе не каноническим Бретону и Элюару и даже не лирическим умникам Превьеру и Кено, а более старой, философически-хулиганской линии, идущей от Рабле через автора «Короля Убю» Альфреда Жарри. В романе «Великий запой» 1938 года, переведенном сейчас Валерием Кисловым, эти влияния не просто ощущаются, любимые авторы Домалья тут даже появляются мельком в качестве персонажей. Несколько героев, принадлежащих к разносторонней французской богеме, пьют и ведут абсурдные парафилософские диалоги. Русскому читателю они напоминают то, чем примерно в это же время занимались обэриуты. К примеру, открывается книга Домалья длинным рассуждением о том, как правильные звуки могут разрушать неугодные предметы, отчетливо рифмующимся с известной фразой Хармса о том, что поэтический текст должен быть способен разбить окно. В принципе, «Великий запой» — это роман-трактат о том, как отпустить мышление на свободу. В качестве практической иллюстрации этой достигнутой свободы русское издание романа сопровождается несколькими эссе Домалья.

Проза и стихи МИХАИЛ СОКОВНИН

Библиотека московского концептуализма

Германа Титова

«БЫЛО И ТАКОЕ ДЕРЕВО,
КОТОРОЕ ВМЕСТО ТОГО,
ЧТОБЫ РАСТИ, РОСЛО
ВНУТРЬ СЕБЯ, СТАРАЯСЬ
ТАКИМ СПОСОБОМ ДОЙТИ
ДО СВОЕГО КОРНЯ»

НАИБОЛЕЕ полное на сегодняшний день собрание замечательного андерграундного прозаика и поэта. Хотя сборник и издан в серии «Библиотека московского концептуализма», к течению этому Михаил Соковнин имеет отношение очень касательное, разве что по кругу общения — Эрик Булатов, Олег Васильев, Всеволод Некрасов. Некрасов написал предисловие для предыдущего сборника 1995 года (здесь оно перепечатано), а магнитофонная запись, сделанная Васильевым, стала главным источником новообретенных, до сих пор не печатавшихся текстов. Впрочем, и андерграундным автором называть Соковнина как-то неловко, это подразумевает продуманный нонконформизм. С ним — по-другому. Тексты Соковнина — дело абсолютно частное. Они — продолжение дружеского разговора, с повторением компанейских шуток и выражений. Эти вещи будто бы не очень предназначены для сторонних читателей. Такая кружковость ощущается, с одной стороны, очень шестидесятнической, а с другой — отсылает куда-то в XIX век, к любимым Соковниным пушкинским временам. В абсолютной частности письма у Соковнина, может, и хочется, но не получается увидеть сопротивление режиму и миру. Скорее, то, что в них есть — это апология героической пассивности, сдачи и гибели. Несколько раз повторяющийся девиз этих текстов: «Есть особенный смысл в том, чтобы не есть, но есть». Это пессимистическое, жертвенное содержание тем более удивительно, что Соковнин — автор очень светлой, искренне веселой ноты. Возможно, дело тут в предчувствии смерти. Он умер в классическом 37-летнем возрасте, и все тексты в этой книге умещаются примерно в десять лет — с середины 1960-х по середину 1970-х. Тексты эти — маленькая повесть, несколько забавных поэм и абсурдистских пьес, прекрасные стихи вроде таких: «О погоде погадай, // о погоде. // О погоде и природе, // о природе. // О природе и приросте, // о приросте. // О приросте и приплоде, // о приплоде и погоде; // о погосте». Главное же — небольшой прозаический цикл «Вариус», пунктирная биография персонажа, единственная вполне определенная черта которого — тяга к игривому самоудалению из жизни.